

Валерий Кацуба

2. ОБЕД В ВИШНЕВОМ САДУ. Рождествено

Из книги «22 рассказа с эпилогом»

Валерий Кацуба. «Обед в Вишневом саду». Рождествено, 2000. На фотографии: Анна Студеникова, Владислав Мамышев - Монро, Игорь Токаренко, Юрий Виноградов, Мария Матвеева, Валерий Кацуба, Александр Новиков, Екатерина Андреева, Андрей Пешеходько, Дарья Вяткина, Пол Марш и Эрика Додо.

Зима наступившего нового тысячелетия, точнее 2000 года, проведенная большей частью на берегах реки Оредеж, убедила меня в том, что, живя в Петербурге, нужно иметь дачу и именно на Оредеже.

Одному мне было не по силам снимать деревенский дом, поэтому я начал уговаривать в необходимости сделать это Юру Виноградова. Юра же из тех людей, для которых помочь ближнему, а тем более любимым и друзьям, было словно его предназначением. Посему, не прикладывая к тому особых усилий, я уговорил его. И как только сошли снега, просохла земля и стало пригревать солнышко, то есть в мае, открыв уже первые выставки в Петербурге и Москве, мы отправились с Юрой искать нам дачу, куда мне

очень хотелось приглашать друзей. В том я видел большие переменны в жизни: не нужно ждать приглашений от знакомых загород, а можно самому сделать свой деревенский дом центром летней, назовем так, художественной жизни петербуржцев.

Итак, в один из дней в конце мая, когда погоды стояли чудесные, мы отправились из Петербурга опять на Оредеж, в окрестности деревни Вырица, на поиски своей дачи. Первую половину дня дачу искать было приятно вдоль крутых берегов реки, поросших высокими деревьями. В обед уже немного скучно, а к вечеру утомительно, поскольку все достойные дома стоили дорого, а пристройки рядом с хозяйскими дачами нас не могли интересовать.

Я начал было думать, что план мой не соответствовал реальному положению дел и сердиться на Юру из-за своего разочарования. Мы решили прекратить бесплодные попытки и поехали к Киевскому шоссе, чтобы по нему вернуться в Петербург. На шоссе мы выехали враз в деревне Рождествено, которая длинными линиями деревянных домов вытянулась по обе стороны дороги. Юра, следует сказать, был не из тех, кто легко сдавался, и всегда придумывал что-нибудь, чтобы своих близких людей видеть счастливыми. И вот он говорит:

- Давай и в этой деревне поспрашиваем, Валерка. Она ведь тоже на реке Оредеж ...

Я же ему отвечал, что деревня эта вдоль оживленного шоссе не соответствует моим представлениям о том, какой она должна быть для дружеских встреч художников. Юра, однако, не уgomонился и мы стали разъезжать по деревенским улицам в поисках местных жителей. Их, меж тем, на улицах не было видно, поскольку, хотя и было светло, начинались Белые ночи, но все же довольно поздно – около 11 часов вечера.

Одного все же жителя нам удалось найти. Это был рождественский парень Миша, как мы потом узнали, который во дворе своего дома ремонтировал машину.

На наш вопрос не сдаются ли здесь дачи, он ответил, что искать нам никакую дачу уже вроде и не нужно, потому что мы ее уже как бы и нашли, поскольку его семья как раз сдает дом на самом берегу реки в метрах двухстах в отдалении от шоссе. Затем он, быстро закончив ремонт машины, прыгнул в нее и велен нам ехать за ним.

Вслед за Мишей мы приехали к накренившейся избушке с маленькими окошками, которые, правда, выходили в вишнёвый сад, а за садом открывался вид на разлив реки Оредеж. Выйдя из машин, мы вошли через веранду с окошками-ромбиками в дом, в котором были две крохотные,

тесные комнаты, заставленные бабушкиной мебелью и еще, одна комната была на чердаке-мансарде. Я поморщился. Миша же, заметив это сказал.

- Слушайте, парни, куда вы сейчас поедете на ночь глядя?! Оставайтесь ночевать в доме, приглашаю, а завтра тогда и решите – будете-не будет снимать.

Мы и правда были уставшими и, как мне не хотелось расставаться с мечтой о красивом доме, который должен был стать, по моим предположениям центром летней художественной жизни Петербурга, я сдался и принял приглашение остаться ночевать в избушке.

Утром следующего дня, проснувшись около девяти часов утра, мы увидели в окнах маленькой горницы солнечный свет, который пробивался сквозь вишневые деревья и крепкий дуб в саду. Через этот сад мы решили спуститься к реке.

Я смотрел на деревенские картинки по сторонам и был не очень ими доволен. Однако, уже у самой реки, когда мы увидели открывшиеся виды на крутой берег из красного песка напротив, а рядом с ним деревянную неоклассической архитектуры усадьбу писателя Набоковых с колоннами и старую высокую церковь, мой взгляд на Рождествено стал меняться.

Вернувшись от реки к дому, мы застали там Мишу, который за накренившийся на бок домик предложил выгодную цену, и мы не смогли устоять. Чему я потом был несказанно рад, потому что не домик стал центром выездной жизни, а дуб с густой кроной. Он летом давал тень, под которой умещалось каждые выходные десять, а то и больше наших друзей. На протяжении всего, не заставившего себя долго ждать лета, в том году мы валялись под дубом, любуясь рекой, усадьбой и церковью, готовили обеды и ужины на мангале и пили розовое вино.

Соседкой нашей с правой стороны, если встать лицом к реке, была замечательная ингерманландка Надежда Иванова, лет 70. А с левой же стороны жили неулыбчивые отец с сыном, которые меж тем каждую субботу, с ними договорился Юра, топили для нас свою деревянную баньку у воды. И мы с друзьями в нее ходили, парились, а потом нагишом плескались в реке.

Несмотря на это наши соседи слева нам все равно казались странными и этим наблюдением мы поделились с Надеждой Ивановной, увидев ее однажды из-под нашего дуба в середине дня, открыв уже розовое вино. На что сторожил тех мест, поднимаясь на крыльцо своего дома, закончив ухаживать за цветами на клумбах в саду, нам ответила:

- А вы не странные?

Мы все поняли и больше с подобными глупостями к Надежде Ивановне не приставали.

Приближалось 21 июля – мой День рождения. Фотографии балов и банкетов начала 20-го века в городских дворцах и на загородных дачах, увиденные в Петербургском архиве перед Новым 2000 годом, все еще волновали меня. Групповые портреты же наших современников, встречавших миллениум, которые мы сняли в новогоднюю ночь 2000 года в Петербурге во дворцах и клубах, были хороши, но не до полного ими удовлетворения. Мне хотелось сделать фотографию, которая бы показала очевидную связь нашего времени с вдохновением и элегантностью Серебряного века в искусстве Российской империи и определила бы нас с друзьями приемниками традиций. И снимать я хотел загородом.

День рождения в июле был хорошим для того поводам. Я позвал друзей в тот день, 21 июля 2000 года, в избушку в Рождествено и для обеда, и для фотографирования. Они согласились и приехали. Юра и фотограф Женя Сорокин оказали мне неоценимую помощь. Мы сделали фотографию в вишневом саду за большим, празднично накрытым столом и на ней двенадцать нас, вместе со мной, и листва того дуба, который в знойные дни давал нам тень.

Фотография эта стала началом истории «Времена года. Мои друзья». Женя Сорокин, когда мы ее только увидели, получив вместе из печати, посоветовал мне снять еще отдельные портреты каждого из друзей в добавление к фотографии и тем самым сделать историю в фотографиях. Я с ним согласился.

Тем более, что был уже к этому готов. Я часто наблюдал за своими друзьями. Рассматривал их лица во время наших совместных обедов, поездок, вечеринок, догадываясь об исключительности каждого из них и старался запомнить их особенную красоту. Я знал к тому времени, что портреты нужно было снимать так, чтобы они вместе смотрелись (или читались), как записки или дневники нашего времяпрепровождения в дружески-любовных отношениях на улице Рубинштейна в Петербурге, на катке Елагина острова и в ингерманландской деревне Рождествено ... На моих друзьях должны были быть их лучшие и уместные тогда одежды и впереди нас, конечно, ожидало время, что принесён которое мы не знали и надеялись на самое лучшее, будучи молодыми, полными сил и планов.

Помимо отдельных портретов друзей я также хотел сделать четыре общие или, скажем, коллективные фотографии в каждом из времен года. Летняя фотография была уже готова, позже мы сделали осеннюю. Пришло время зимней.

Ее я надумал снимать уже в 2001 году на замёрзшем разливе Оредежа и снимать как Коляды – то есть все друзья должны были быть в костюмах зверей с санками и лыжами, мол, ходят они по деревенским дворам в новогоднюю ночь по старому стилю, поют-танцуют и собирают у жителей угощения, как это было заведено в белорусской деревне, где я родился, с незанятых времен и вплоть до 70-ых годов двадцатого столетия.

Пока я искал костюмы, уговаривал участников на съемку, наступил март. И вот в одно воскресенье в начале весны мы все ж выехали на Оредеж. В нашей избушке, которую Владик Монро, как-то прозвал Монплеизир, переоделись и пошли на реку. За камерой был Женя Сорокин. Я построил мизансцену, то есть расставил в ряд всех мишек, белочек и лисичек с санками и лыжами на льду реки с видом на усадьбу Набокова и церковь. Сам стал в эту пеструю компанию. Из низких серых туч шел мокрый снег. Женя Сорокин предупредил, что снимет кадр на счет три и, убедившись, что все стоят, как и должно быть, стал отходить по реке назад, говоря раз, два и ... на счёт три провалился под лед.

Провалился по пояс, высоко при этом вытянув руку над головой, в которой была камера. Ошарашенные мишки и белочки, запорошенные снегом, бросились ему на помощь. Женя же вдруг либо сам выскочил, либо его река вытолкнула, и через пару секунд уже опять стоял на льду у полыньи. Зверюшки взяли его под руки и повели в дом, в котором была вытоплена печь, согреться. Съемки пришлось приостановить. Мы с Юрой поехали в сельпо, чтобы Жене одежду купить, пока он обсыхал в доме, и водочки для растирания.

В сельпо никакой одежды, кроме женских шерстяных колготок не было и мы купили две пары для Жени и еще валенки. Водочкой Женя растираться не стал, а выпил ее. Влез в колготки и валенки. Мы поменяли мизансцену и решили фотографироваться на холме, где стояла усадьба Набокова, с видом на реку и деревню. Точно в том же месте, где прошедшей осенью я снимал портрет моей давней и любимой петербургской подруги Даши Вяткиной, прогуливавшейся с велосипедом.

Небо к тому времени очистилось от туч и засветило солнышко, готовое, однако, вот-вот упасть за горизонт. Зимняя фотография у нас в итоге получилась, а также сложился новый роман, новые любовные, а затем и семейные отношения одних из участников съемки - фотографа Андрея Саматуги и Саши Куликовой, в те времена врача. Знакомство Саши и Андрея на моей фотосессии Колядок, красивая и немного в начале драматичная история, поскольку и Саша и Андрей были до их встречи на съемке связаны другими отношениями ...

Монплежир в Рождествоно мы арендовали, как я помню, в течении двух с половиной лет. А затем времена изменились. Мы перестали ездить на Оредеж и вернулись туда однажды уже после ухода Юры.

С другом мы простились весной 2009 года, а осенью того же года приехали на Оредеж. Приехали с Дашей Вяткиной. Забрались на холм, на котором стояла усадьба Набокова и открывался вид на реку, и на, когда-то наш, вишневый сад с крепким дубом и покосившуюся избушку. Стоял конец сентября. Холм был усыпан желтой кленовой листвой. Вдоль реки на деревенских огородах дымилась костры из собранной в кучи сухой травы, в прозрачном, притихшем воздухе летали нити паутины. Мы с Дашей присели на холме и задумались каждый о своем.

Я вспоминал Юру. Точнее те дни, которые я проводил в предгорье Кавказа, в небольшом городке Кисловодск. Вспомнил как туда навестить меня приехал Юра. Как мы бродили по тропинкам, которые назывались терренкурами, в горах и на одной из них встретились с московской художницей Ольгой Солдатовой, которую Юра все время называл Самолетовой, поскольку Ольга любила рисовать самолеты.

Это было, думаю, в году 2002 в мае. Я поехал на Кавказ отдыхать в тишине и покое и пить целебные минеральные воды. Снял у частников домик небольшой и ждал там Юру. В горах цвели абрикосовые деревья, уже вырос редис, зеленый лук, укроп. И, когда приехал Юра, мы делали из редиса и лука салат с айраном. Не помню почему, но Юра долго не мог собраться в Кисловодск. Я скучал без него. И хорошо помню, как в один из дней, вернувшись домой и войдя в прихожую я почувствовать, что Юра приехал. Так оно и было. Мой друг нашел дом, колючи от него, которые я сообщил заранее, где будут лежать, и отдыхал после дороги в большой комнате на кровати ...

В Кисловодск тогда я приехал со своей уже фотокамерой - с моторным фотоаппаратом Хасселблад - подарком, точнее, даром мне от английского фотографа Нила Кирка. Нил решил сделать этот дар, поскольку ему нравились фотографии, которые я ставил, приглашая фотографов-друзей снимать их. Нил считал, что я должен фотографировать сам и посему подарил мне ту, свою старую камеру. Позже, правда, на выставке в Королевской академии художеств в Лондоне, где был представлен мой проект, сделанный для компании Фаберже по просьбе ее арт директора Катарины Флор, Нил пошутил, наблюдая мой успех:

- Лучше бы я ему (то есть мне) тогда подарил скейтборд вместо камеры ...

Для меня до сих пор являются загадкой его слова.

Первый снимок, сделанный мною самостоятельно камерой Хасселблад Нила – был портрет Юры на Кавказе. Следует заметить, что Юра служил основой всей истории «Времена года» и ее вдохновением, поскольку более, чем другие мои друзья, походил на героя Серебряного века. Я решил снимать Юру на лошади над обрывом с видом на воспетые Лермонтовым предгорья Кавказа, одев его как кабардинца в папаху, бурку и на руку в кожаной рукавице посадил с помощью местных жителей сокола.

Моя первая самостоятельная съемка тянулась долго. Я звонил в Петербург Андрею Саматуге спрашивая советы и, несмотря на это, все же первую пленку вставил не той стороной. Юра же мужественно все сносил и только годы спустя признался, что ему было довольно не по себе сидеть на незнакомой лошади с соколом на руке и над обрывом.

Затем, я, глядя с холма на когда-то нашу покосившуюся избушку внизу на реке Орде, вспоминал о том, как мы с Юрой придумывали оформление и декорировали пикники в деревне Рождествено ...

Здесь мои воспоминания, одно вызывая другое, ушли в более давнее прошлое - в мое детство. Мне вспомнилось как когда-то в детстве мы с отцом, мамой и старшим братом-другом, разница у нас в возрасте меньше двух лет, а мне тогда было лет пять, наверное, выезжали на отцовском мотоцикле с коляской на маленькую речку купаться и также делали постановочные фотографии пикников. Отец и мама красиво одевались, нас приодевали с братом. Однажды на съемку они взяли вино и транзистор с собой и, приехав на речку, отец попросил нас с братом и красавицу-маму присесть на речном лугу, положил перед мамой бутылку вина, перед нами с братом транзистор, поставил фотоаппарат на авто съёмку и присоединился к нам. Получился отличный снимок.

Чуть позже отец нас часто фотографировал уже с младшим братом, который в последствии был поддержкой для меня в экспериментах в искусстве. Отец придумывал всегда разные сюжеты, то отдых на озере, то прогулка в полях на мотоцикле с чудесными видами. Еще он фотографировал нас в саду с бабушками, а когда у него появилась вторая в деревне легковая машина, он фотографировал нас у машины с мамой и помощницей в семье тетей Валей.

Одна же из его первых и любимых мной фотографий был портрет мамы, когда они только с ней познакомились в самом начале 60-ых годов. На этой фотографии, опять же с видом на поля и лес за ними, мама в простом и элегантном платье и косынке на плечах стоит у, тогда только что приобретенного, папиного мотоцикла.

Отец сам проявлял пленки, печатал черно-белые фотографии и делал их глянцевыми накатывая на стекло. Стекло ставил потом у теплой печки, и мы

с братьями с интересом ждали того момента, когда фотографии высохнут и начнут отскакивать от стекла.

Фотографироваться мы не очень любили, а готовые фотографии ждали с нетерпением и нам нравилось их рассматривать. Однажды мы даже на них дорисовали белые пилотки, которые были у нас на головах на одной из отцовских съемок, а на фотографии полностью слились с фоном прозрачного голубого неба. Только совсем недавно я понял, что мой отец был талантливым фотографом-постановщиком.

- Поедем, Валерка, смеркается уже, - вернула меня из воспоминаний в наступавшие над Оредежом сумерки Даша.

- Да, поедем, - согласился я.

Мы начали спускаться с холма с усадьбой Набокова к машине и Даша, глядя на реку и накренившийся на ее берегу домик сказала:

- Все думаешь, что счастье вот-вот наступит, что оно не за горами. А оно ведь есть. Я ведь была счастлива там под дубом, в его тени. Поняла это только сейчас.

Мы спустились с холма к Дашиной машине, светло-синему внедорожнику, припаркованному внизу. Отряхнув прилипшую к обуви осеннюю листву, сели в нее и поехали в город, оставляя за собой высокую церковь на холме, усадьбу с деревянными колоннами и маленький накренившийся домик у реки в вишневом саду.

Мадрид, ноябрь 2020